

ЛЮТУМВИЛЬ

Королевство

Орден и Тень

Антон Мамон

Антон Мамон
Лютумвиль. Королевство
огня и глины
Серия «Охотники за мирами»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70448287

Антон Вадимович Мамон «Лютумвиль. Королевство огня и глины»:

SelfPub; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-244840-9

Аннотация

Лютумвиль – сказочное королевство, в котором все сделано из глины. Его правительница – Регина Де Люта. Властная, холодная, обескураживающе красивая, она сидит на престоле вот уже тысячу лет. Ей одной подвластна сакральная магия превращения неживого в живое. Словно опытный алхимик, владычица пробуждает скульптуры, дарует имена и предопределяет судьбы. Она успешно строит империю, а еще – сдерживает Дебри Ужаса – проклятые леса, что взяли королевство в кольцо и неустанно рождают чудовищ. Жизнь Регины предсказуема и даже немного скучна. Ей кажется, что этот покой продлится вечность...

Но что, если ее собственные творения сунут нос за ширму идеального порядка? В роскошном шкафу королевы найдется немало скелетов. Бывшим марионеткам откроется секрет бессмертия Де Люты, а также – ее истинное лицо. Сколько

стоит правда и чем придется жертвовать во имя свободы?
Любопытные куклы найдут все ответы, а Регина не раз заставит
их об этом пожалеть...

Содержание

Часть первая	7
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Антон Мамон

Лютумвиль. Королевство

ОГНЯ И ГЛИНЫ

Иллюстрация на обложке Amarantha.

Дизайн обложки Кати Петровой.

© Мамон А., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Часть первая

Пролог

Болезнь прервалась внезапно, будто ночной кошмар. Регина разомкнула губы и впервые за долгие месяцы вдохнула полной грудью. Слабость, державшая в плену у смятых влажных простыней, ушла. Как и густой туман, в котором многие недели блуждало сознание. Мерещилось, точно тя-

желый камень, придавивший несчастную к постели в начале зимы, сделался песчинкой и жизнь полноправно возвращалась в изможденную плоть. Хотелось пить. А еще – настужь распахнуть окно и разогнать спертый воздух спальни.

Только сейчас, когда недуг ослабил хватку, Регина поняла, как опасно близко она подошла к черте, за которой начиналось царство тьмы и бесконечного холода... В носу по-прежнему стояли пряные нотки елея, а где-то там, на задворках разума, звучала последняя молитва с призывами покаяться. И все же смерть отступила. Она рассеялась, словно тень от встречи с полыхающим факелом. Регина до жути боялась открыть глаза и спугнуть блаженное просветление, но любопытство оказалось сильнее.

Веки осторожно приподнялись, и предплечья тут же покрылись мурашками. Регина не узнала комнату, где провела слишком много дней и ночей. Все виделось иным, незнакомым.

– Папочка, она такая красивая, – тонкий голосок вынудил повернуть голову.

Регина напрягла зрение и с некоторым усилием различила два силуэта: ребенка и взрослого. Незнакомец подобрался чуть ближе и задумчиво погладив бородку, улыбнулся. Смущение удушливой волной прокатилось по телу Регины, но она так и не смогла отвести взгляд...

Глава 1

Изящные женские ладони опустились на поверхность шкатулки. Звонкий щелчок: ларчик распахнулся, обнажив содержимое и позволив тонким проворным пальцам скользнуть внутрь. Туда, где пряталась серьга из белого золота. Украшенная граненым сапфиром и россыпью бриллиантов, она вспыхнула, отражая пламя свечей, догоравших в канделябре. Описав несколько кругов в воздухе, украшение вернулось на место. Оно разочарованно звякнуло и тут же зате-

рялось среди прочих изысков ювелирного искусства.

На секунду в зеркале показались глаза с лукавым прищуром, но их внимание тут же привлекли настенные часы. Из крошечных кованых воротец выпрыгнула кукушка. Исполнив свою незатейливую песню, она возвестила о наступлении полуночи. Сонный циферблат, вынужденный уживаться с шумной соседкой, продолжил двигать секундную стрелку. Дощечку над ним украшал замысловатый узор, в котором далеко не сразу, но все же угадывались три буквы: Р. Д. Л.

Регина Де Люта была одним из тех неземных созданий, чья красота не поддается описанию. Самые талантливые художники со временем оставили попытки запечатлеть королеву на холсте – слишком неуклюже выглядели рисованные копии на фоне безупречного оригинала. Бывало и так, что юный мастер, ослепленный тщеславием, заявлял о желании изобразить то, на что не хватило таланта его предшественникам. Сколько же таких являлось во дворец... И на лице у каждого сияла самодовольная улыбка, каждый предвкушал триумф. Но первые же минуты в работе возвращали мечтателей на землю. Штрих за штрихом, брови художников становились все напряженнее. Будто дерзкие мальчишки не рисовали вовсе, а бились над решением невыполнимой математической задачи. Иногда высыхающие краски разбавлялись слезами, но куда чаще ломались кисти – деревянные палочки не выносили давления пальцев.

Картинные двойники правительницы не вызывали вос-

торга у случайных свидетелей. Единственное, что рождалось при взгляде на них, – сочувственная улыбка. Итог оставался неизменным: неоконченные полотна отправлялись в топку, горе-творцы – домой, а Регина – в свои покои, где ее ждала горячая ванна с лавандовым маслом. Только вода помогала правительнице успокоить боль в спине – единственный результат длительного позирования. К слову, королева не нуждалась в услугах художников и очередную попытку зарвавшегося юнца дарила лишь от скуки, заранее предвидя результат. Регина была лучшим памятником собственной красоте, не знавшей увядания. Никто не мог с уверенностью сказать, сколько лет Де Люте. Подданные верили, что она существовала всегда, как луна и солнце, как воздух и вода, как сама жизнь или ее ненасытная сестрица смерть.

Монархиня знала, в чем ее сила, и не давала повода усомниться в собственном превосходстве. Ни одной из помощниц не доводилось застать ее в врасплох. Никто не видел королеву заспанной или со спутанной копной огненно-рыжих волос. Со стороны казалось, что Регина – не живое создание, наделенное изъянами и слабостями, а стерильный музейный экспонат, помещенный за стекло во всем своем великолепии. Именно это превращало Де Люту в идеал, которому другие лишь безуспешно подражали.

Недостатка в прелестницах королевство не знало, но все они меркли на фоне Регины. Считалось, что все дело в коже: мертвенно-бледная, наделенная холодным сиянием, она

подчеркивала благородное происхождение и натуральную аристократичность Де Люты. Королева напоминала точеную фигурку балерины из музыкальной шкатулки. Та же стройность, тот же грациозный прогиб в спине, легкость движений и фарфоровое лицо, от которого невозможно оторваться. Добавьте к этому роскошные наряды, тонкие, кружащие голову ароматы и получите образ, на который молился каждый житель *Лютумвиля* – королевства, рожденного от союза огня и глины.

К сотворению главного шедевра своей жизни Регина пошла с изощренным старанием: Лютумвиль не был похож ни на одно другое государство в мире. Все здесь казалось преисполненным вкуса и внимания к деталям. Аккуратные домики, расставленные в шахматном порядке, сливались в одно большое черепичное море, плескавшееся у берегов центральной площади. Пестрые цветочные клумбы, оживленные рынки и шумные ярмарки удивительным образом сочетались с парками, в которых всегда можно было найти немного тишины и живительной тени. Сотни дорог, больших и малых, сплетались в огромный клубок разноцветных ниток. Чужестранцу, оказавшись он тут, легко могло показаться, что город погружен в хаос. И только местные видели строгий порядок во всем, что их окружало. Каждый переулок, проспект и бульвар Лютумвиля брали начало в сердце королевства, угрюмом готическом замке, чьи острые шпили пронзали небесное полотно. Именно там рождалось все, че-

му было суждено стать частью Лютумвиля. Отсюда, подобно паутине, тянулись артерии города, напитанного двумя чувствами: любовью и страхом – ощущениями, что возникали при виде центральной фигуры королевства.

Несколько раз в год управительница судеб встречалась со своими подданными. Каждый официальный выход в свет становился большим событием. Толпа пребывала в молчаливом восторге, когда белоснежная карета появлялась из высоких железных ворот и замирала на балконе, что возвышался над широкой, неизменно людной площадью. Являясь народу, Регина каждый раз блистала, ослепляя любопытные пары глаз сверканием драгоценных камней.

Зачарованные горожане не всегда понимали, о чем говорила Де Люта во время своих выступлений. Как и всех мещан, их куда больше манила блестящая обертка, а не содержание. Женская половина Лютумвиля рассматривала королеву, в мелочах запоминая то, чему будет подражать следующие полгода. Мужская часть королевства просто наслаждалась, мечтательно улыбаясь правительнице.

В королевстве не было церквей, да и религии как таковой. Впрочем, никто бы не осмелился назвать местных безбожниками. Любить, обожать и боготворить свою монархиню – такова была их вера, к этому стремился каждый лютумвилец. То был полноценный культ личности, в котором не находилось места другим героям и творцам. Холодная недосыгаемая Регина... Ее имя произносили вполголоса, с должным

почтением и благоговением – так чтобы не осквернить всеу образ той, кому поклонялись веками.

О неземном происхождении Де Люты не говорили вслух. Как бы там ни было, даже дети знали, что секрет Регины заключался не только в ее красоте. Все, что составляло королевство Лютумвиль, от массивных, неприступных стен, определявших границы города, до изгиба улыбки новорожденного младенца, было творением рук королевы. И нет, это вовсе не преувеличение. Ловкие пальцы властительницы хотя бы раз, но касались любого предмета и человека в государстве.

Это было таинством, от которого у особо впечатлительных замирало сердце. Явление необъяснимое, но вполне реальное. Предания гласили: Регина – единственная в целом мире, кому подвластно пугающее искусство превращения неживого в живое... И если смастерить неодушевленный предмет было под силу каждому второму, то вдохнуть жизнь в кусок грязи, которому придали форму человека, могла лишь *ОНА*. Наличие дара обожествляло Регину в глазах собственных творений, рождало безграничную преданность, что питалась суеверным страхом.

Такой магии не было объяснения, впрочем, оно никому и не требовалось. Лютумвильцы просто были счастливы, что когда-то очень давно их королева появилась на свет, а после – привела в этот мир их. Вот почему день рождения владычицы считался главным праздником этих земель, объеди-

нявшим богатых и бедных, молодых и старых, умных и тех, кто попроще.

Отмечали его с размахом, семь дней кряду. За торжественную неделю горожане проживали сразу несколько настоящих счастливых жизней. Каждая имела свою кульминацию – момент, которого стоило ждать, смиренно глотая все невзгоды и печали повседневности.

Красочный карнавал, тему которого выбирала сама Регина, каждый раз изумлял помпезностью. Платформы, украшенные гирляндами из цветов, ползли сквозь город, подобно гигантским змеям. Они оповещали зевак о начале торжества. Каждый мог присоединиться к шествию и даже стать одним из его героев. Кукольно-красивые танцоры, передвигавшиеся на повозках, выполняли сразу несколько задач: во-первых, развлекали горожан своим искусством, а во-вторых – внимательно следили за теми, кто бежит следом, радостно выкрикивая: «Да здравствует королева Регина!».

Самые яркие и веселые лютумвильцы, а также те, кому удавалось скроить симпатичный костюм, удостоившись особого внимания. Таких могли выхватить из толпы и водрузить на платформу, позволить катиться на ней до самых врат королевского дворца. Их поили хорошим вином, одаривали безделушками, им же на исходе шествия вручали увесистые мешочки серебряных монет! Отчаянно желая выделиться, горожане шли ва-банк. И пускай почти всегда результатом становилась безвкусица, фортуна то и дело улыбалась от-

дельным смельчакам. И это сполна окупало все их старания.

Красная неделя была щедра на развлечения: конкурсы, песни, ярмарочные забавы, выступления цирковых артистов, танцы, море бесплатного пива и сюрпризы на потеху толпе. Все это погружало Лютумвиль в сладкий сон, от которого не хотелось просыпаться. В то же время каждый жил предвкушением последнего седьмого дня. Да, приходилось мириться с тем, что радости наступит конец, но только так она достигала своего пика. Именно тогда проходило главное событие года – турнир имени Регины Де Люты. Даже наблюдать за ним с трибуны считалось почетным, а от мысли об участии голова простолюдина неизменно шла кругом. Победителю грандиозной битвы оказывалась великая честь: возможность обрести бессмертие, шанс разделить целую вечность под одним небом с Региной.

Стремление дать отпор времени подогревалось тем, что век обычного лютумвильца был сравнительно короток. Несмотря на то что «рождение» новых людей стояло на потоке, каждая кончина становилась трагедией, болью, что делили на всех. Перспектива навек распрощаться со смертью, пусть даже призрачная, мелькнувшая в фантазиях, приводила в экстаз любого. Стать бессмертным означало возвыситься, войти в клуб избранных, приближенных к самой королеве. За такое и умереть не жалко.

К слову, о смерти! Именно ее, а не Де Люту, встретит большинство участников турнира. Но пожалее ли хоть кто-

то об этом в свой последний миг? Черта с два! «Попытаться счастье и сгинуть – все же радостнее, чем струсить и все равно умереть, просто чуть позже!» – так рассуждали те, кто из года в год подавал заявки на участие в битве. Да, пропуск в вечность стоил дорого, но в данном случае любая цена казалась оправданной, а число желающих рискнуть неуклонно росло.

До очередного состязания оставалось чуть больше месяца, а потому о нем старались молчать. Ведь обсуждать действие, что отправит тебя на тот свет или, еще хуже, пройдет при чужом участии, было мучительно. Осознавая это, лю-тумвильцы говорили на другие темы, а еще – всячески заискивали перед теми, в чьих руках была власть. Ведь финальный список «гладиаторов» утверждали министры королевства в ходе большого совета. Что могло повлиять на их решения – одной Регине известно, посему в ход шли любые уловки. С каждым днем напряжение все заметнее сгущалось в воздухе. Вот-вот пробьет заветный час, и несколькими десяткам избранных приветливо улыбнется удача. Оказаться в их числе, это ли не счастье?

Глава 2

– Матушка, что находится по ту сторону Великой Стены? – с неподдельным интересом спросил худощавый мальчишка шестнадцати лет. Его глаза, совсем еще детские и доверчивые, пытались уловить первую реакцию королевы в надежде выведать грандиозную тайну или хотя бы небольшой секрет. – Да, я слышал, что земли за пределами Лютумвиля прокляты, помню ваши рассказы про Дебри Ужаса, Трехглавого Пса и прочих монстров... Но все же, что именно встре-

тит на своем пути тот, кто осмелится покинуть город?

Принц Тулип славился проницательностью. Хитрый и смекалистый, он убедительно выигрывал споры, красноречиво отстаивал свою точку зрения, а еще – за версту чуял ложь! Не по годам смысленный юноша ловко дурачил окружающих, а потому – лучше многих видел чужие попытки ввести его в заблуждение. Он любил повторять: «Одна фальшивая улыбка способна распустить любой, даже самый искусно сотканный, узор неправды, нужно лишь вовремя ее заметить!»

Мнительные служанки, наблюдавшие взросление принца, до смерти боялись его. Им казалось, что он не хуже матери способен читать мысли, проникая в потаенные уголки разума. Вот почему ему всегда говорили правду. По крайней мере, если об обратном не просила сама владычица.

Как часто, уже понимая степень неискренности своего визави, принц нарочно имитировал неведение, вкрадчиво хлопал длинными ресницами в ответ на лукавство. Он не преследовал цели вывести лжеца на чистую воду, то был лишь один из способов развлечься, скоротать время. Играя с очередной гувернанткой, как кошка с мышкой, Тулип ликовал, испытывая справедливое злорадство. Порой одна ложь наслаивалась на другую и росла, подобно снежному кому, но наследник Де Люты редко прерывал жестокие забавы добровольно. Намного чаще за него это делали обстоятельства, в которые он загонял жертву. К счастью для королевской осо-

бы, слуги не спешили жаловаться. Иначе не избежал бы Тулип хорошей порки за глумление над придворными.

Впрочем, все эти трюки подчиняли только скромные умы, а в отношении королевы оставались бесполезными. Холодная непроницаемая маска, которую Регина носила вместо лица, почти не выдавала эмоций. А если уж это и случалось, то совершенно осознанно, подконтрольно. Как и в этот раз.

– Разве тебе плохо здесь, во дворце, мой милый мальчик? – Королева улыбнулась и вопросительно вскинула бровь. – Я думала, однажды, когда ты станешь полноценной опорой и поддержкой, сможешь наравне со мной управлять тем, что я создавала столетиями... Не вынуждай поверить в собственную ошибку!

– Нет-нет, матушка! Лютумвиль – лучшее королевство на свете! Я мечтаю о том счастливом дне, когда смогу занять место на троне рядом с вами. Поверьте, когда придет время, я присягну на верность народу и армии, стану мудрым и справедливым монархом, сделаю все, чтобы не посрамить честь короны... – В какой-то момент Тулип замолчал и отдал поклон.

– Это очень мудрый ответ, мой мальчик. Не позволяй авантюризму губить твою светлую голову. Разум истинного правителя прежде всего занят думами о судьбе государства, о том, каким станет следующий ход на грандиозной шахматной доске империи... В последнюю очередь его заботят чужие земли, особенно те, что подконтрольны врагу, – спокой-

но произнесла Регина, стоя у высокого витражного окна, из которого открывался захватывающий вид на Лютумвиль.

– Полностью разделяю ваше мнение, маман! Просто любопытно, с какими опасностями предстоит столкнуться и от чего придется защищать народ, когда эта ответственность ляжет на мои плечи...

– Этого может не случиться вовсе, Тулип. Я не уйду на покой до тех пор, пока не буду уверена в тебе как в преемнике. Сейчас я вижу лишь любознательного ребенка, которому до всего есть дело. Такой не годится на роль Великого Отца, а значит, рановато мне уступать трон. – Де Люта окинула принца строгим взглядом, от которого душа уходила в пятки. – Помни, ты – мое лучшее творение! Я с нетерпением жду, когда ты возмужаешь в достаточной степени, чтобы обрести бессмертие. Восхищаюсь твоим живым умом и понимаю тягу к приключениям.

– Но... – Принц заинтригованно улыбнулся.

– Но при всей любви к тебе, я по-прежнему отвечаю за тех, кто находится там, за пределами дворца. За тех, кто трудится на общее благо и делает все, чтобы на твоём серебряном блюде каждое утро появлялись свежие молоко, яйца и хлеб. Подобная преданность не знает цены, и, по моему убеждению, она куда важнее традиций преемственности. Не заставляй меня сомневаться в принятых решениях, иначе нам обоим будет горько от последствий... – Регина провела ладонью по лицу Тулипа.

– Вы правы, матушка, – не скрывая разочарования, выдохнул принц. – Мне, как будущему королю, должно размышлять о вещах иного толка... Я исправлюсь, обещаю!

– Славно, – кивнула Де Люта. – Не опоздай на свои занятия, ну а я пока займусь делом. – Повелительница уверенно двинулась к выходу.

Принц поклонился и, оставшись в одиночестве, записал что-то в небольшой блокнот, из которого торчала закладка. Парень был непрост. Его хитрость позволяла обводить вокруг пальца первых людей государства: министров и военных начальников. И пускай мальчишке не по зубам тягаться со Всеобщей Матерью, свое будущее он видел четко, уже сейчас понимал, что не желает становиться очередной послушной марионеткой в руках Регины. Его собственная уникальная история начнется там, за пределами Лютумвиля, в месте, где о его всемогущей родительнице слыхом не слыхивали! Вот уж где станет ясно, из какого он теста...

Все, что стояло на пути к свободе, было выстроено руками монархини. Она знала наверняка, зачем королевству понадобилась Великая Стена, которую не решались преодолеть даже птицы. Мысль о том, что когда-то он сумеет выйти за пределы Лютумвиля, одновременно вдохновляла и пугала Тулипа. Но запретный плод всегда сладок, а любопытство, в случаях, когда речь идет о юных принцах, зачастую сильнее страха. Однажды мальчишка узнает всю правду. По крайней мере, ему очень хотелось в это верить.

Глава 3

Вечернюю тишину прервал глухой металлический щелчок. Гончарный круг начал ускоряющийся бег, Регина повязала поверх платья рабочий фартук и опустилась на стул. Неуклюжему куску глины, исполнявшему бессмысленный танец, не терпелось обрести форму, он изнемогал от желания узнать свое предназначение.

Королева погрузила руки в таз с мутной водой и задумалась. Приступить к работе она не спешила. Тело ее оста-

валось неподвижным, но мысли закручивались в причудливый вихрь. Де Люта искала образ. Среди тысяч воображаемых фигур она высматривала того, кто так внезапно позвал ее. Кто же это? Мужчина или женщина? Пухлощекий юнец или сгорбленная старуха? Министр, что возьмется управлять казной, или мокрый по пояс бездельник, собирающий монеты со дна фонтана? У Регины не было ответов на эти вопросы. Она, как и любой порядочный художник, наблюдала за творческим процессом со стороны, позволяя истории рассказывать саму себя.

Порой момент неизвестности затягивался, но кто считает часы, когда в запасе целая вечность? Регина давно не следила за сменой лет, в то время как ее подданные жадно смаковали каждое мгновение. Они суетились, будто мыши. Простые смертные с опаской поглядывали на часы и календари, а еще – неизменно верили в чудо, надеялись, что, когда придет их время, потребность умирать исчезнет вовсе. «Как же это все гнусно! – кривилась монархиня, наблюдая пустые хлопоты. – И как закономерно», – добавляла она, вспоминая, с кем имеет дело.

Глупые куклы не были виновны в собственной ничтожности. Они лишь проживали отведенный им срок и умирали по воле случая. Над головой каждого из них висел «Дамоклов меч» под названием «Смерть». Он мог сорваться в любую секунду и умертвить то, что едва зародилось. Понимание собственной недолговечности порой толкало големов на

опрометчивые поступки. Де Люта знала об этом как никто другой, а посему не осуждала марионеток за вечную спешку. В конце концов, какое ей было дело до тех, кто сгинет завтра? Регина и сегодня не помнила их имен...

Нередко владычица ловила себя на странном любопытстве: «Каково это, быть смертным? Как смотреть на мир, понимая, что однажды он для тебя кончится? Что чувствуешь в таком случае? Вероятно, отчаяние. Но чему же тогда радуются куклы? Отчего улыбаются без причины и поют веселые песни?» Порой Регине казалось, что собственные творения скрывают от нее что-то, но тут же доводилось вспомнить их большую жажду бессмертия, и все возвращалось на круги своя.

Глупцы стремятся одолеть смерть, продлить счастливые моменты, забывая о том, что всякая радость конечна. Вечная жизнь кажется даром лишь до тех пор, пока не откроешь ее секрет. Только тогда понимаешь, что любой, даже самый хороший, спектакль интересно смотреть впервые, а для тех, кто застрял в зрительном зале навсегда, он становится пыткой – каждое действие знакомо, реплики заучены, актеры фальшивят, а сюжет предсказуем и не нов.

Именно так считала королева, раз за разом играя свою роль. В дни особенно печальные она желала стать одним из болванчиков: удивляться каждой мелочи и совершать открытия. Казалось, будь на то ее воля, монархиня поменялась бы местами с тем, кто на нее молился. Но даже в самых дерз-

ких мечтах это виделось невозможным.

Закусив нижнюю губу, Регина тяжело вздохнула. Ей совершенно не хотелось утруждать себя лепкой, но еще больше не хотелось признавать очевидное: *Лютумвиль умирает...* Не от болезней или голода, не из-за войны с неприятелем, не по причине стихийных бедствий. Его убивает сама королева, ее стойкое нежелание возглавлять давно наскучивший цирк.

Усилием воли она привела руки в движение. Словно две крупные рыбины, они заметались по дну посуды, и вскоре на поверхности показалась тяжелая от воды губка. Кусок черствеющей глины, кружащий в монотонной пляске, был аккуратно смочен. Умелые кисти вернули ему пластичность. Алых губ Регины коснулась улыбка. «Ну вот, стоило только начать...» – подумала она, ясно представив того, кто получится в итоге.

Проворные ладони творили чудеса. Всего за несколько минут грубый шмат грязи обрел форму идеального овала на ножке, будущая голова вращалась на гончарном круге, а голова самой Регины наполнилась тоскливыми думами. Формируя прекрасное юное лицо, королева пыталась вспомнить о своих ранних годах, но тщетно. Картины далекого прошлого сгорели дотла, а владычица по-прежнему касалась пепла в попытке угадать их сюжет.

Иногда минувшие дни отправляли скудные весточки под личиной смазанных и неразборчивых снов. Холод, суета, лица... много лиц! Регина отчетливо видела улыбки и блеск

любопытных глаз. В этих смутных грезах она пыталась докричаться, хоть до кого-то, но все ее мольбы разбивались о незримую преграду. Королева просыпалась в слезах, причину которым не знала. И чем больше времени проходило, тем хуже Де Люта понимала, кто она и от кого происходит. Мерешилось, будто ее все дальше уносит от берега, словно неизбежно теряются очертания родной земли, а на смену им приходит глухая тьма.

Владычица резко опустила веки и попыталась вернуться туда, где не была столетия. Занавес времени на удивление поплыл вверх... чтобы обнажить глухую кирпичную стену. Де Люта мысленно ударилась в нее, как заплутавшая птица. Прекрасное лицо перекошило от боли, но работа наяву продолжилась. Новый глухой щелчок остановил механизм. Нехотя и с едва заметным скрипом, металлический диск притормаживал до тех пор, пока не замер полностью. Выдержав недолгую паузу, королева продолжила. Она вновь смочила болванку посеревшей губкой. Тревога и тоска утратили свою власть над Региной.

– Что же, новый глашатай мне не помешает, – вслух призналась Де Люта, сдавив двумя пальцами послушный кончик носа. – Будешь прекрасным, словно девушка, и холодным, как лезвие ножа. Никому не удастся согреть твое ледяное сердце даже за тысячу лет, ведь полюбить ты сможешь только себя...

Лик юноши стремительно обретал черты. Пухлые губы,

устремлявшие вверх свои уголки, рождали надменную ухмылку. Большие глаза с легким прищуром и вздернутые брови дополняли образ эгоиста и гордеца. Внешность действительно привлекательная, но, как это часто бывает со скульптурами, не наделенная природными изъянами, а потому – слегка отталкивающая во всей своей невозможной гармонии.

Нащупав в полумраке леску, Регина провела ею по дну болванки и сняла голову с «постамента». Взгляд королевы упал на стеклянные шкафы. Именно там она хранила заготовки тел, созданные ее помощниками, братьями-близнецами Морусом и Рубусом. Они мастерски справлялись с порученной обязанностью, избавляя повелительницу от кропотливой и до ужаса скучной работы. Завернутые во влажные тряпки, готовые туловища оставались свежими, покорно дожидаясь своей очереди.

Роль братьев в процессе создания новой жизни не была секретом. Каждый в Лютумвиле знал о привилегии, что выпала близнецам, а потому в редкие моменты, когда их добровольное затворничество прерывалось, горожане изводили помощников королевы вопросами. Без толку. Суровые идентичные лица, походившие на посмертные маски, сохраняла спокойствие. Морус и Рубус не жаловали за зря любопытствующих. Между собой они давно решили, что Де Люта оживила их для дела, а молоть языком могут и другие. Монархиня ценила преданность братьев, а потому нужды они

не знали...

Неторопливо шагая вдоль выстроенных в ряд стеклянных гробов, Регина рассматривала каждое тело, замирая на секунду, прислушиваясь к ощущениям. «Нет-нет-нет», – шептала она, не прекращая поиски. Остановиться ей довелось у предпоследнего шкафа. «То, что нужно!» – сорвалось с губ.

Королева открыла прозрачную дверцу и приблизилась к заготовке. Уверенным, но аккуратным движением она приложила голову к туловищу. «Последние штрихи, мой дорогой!» Мягко скользнув большим пальцем по уродливой линии на шее голема, Регина заставила ее исчезнуть.

Фигура по-прежнему оставалась бездыханной, и лишь королева могла изменить это. Поместив металлический коготь на указательный палец, она обошла голема со спины и оставила на затылке три загадочных символа. После – вернулась на исходную позицию, вновь оказалась лицом к лицу с истуканом. Немного подавшись вперед и приоткрыв, словно в поцелуе, рот, монархиня пустила легкую струйку своего дыхания в разомкнутые губы.

Лицо создания задергало мускулами, ноги согнулись в коленях, руки пришли в движение. Мальчишка неловко касался своего тела, клацал челюстями, по очереди моргал глазами и раздувал ноздри. Так новый житель Лютумвиля познавал дарованное ему тело и привыкал к подвижности. Немного освоившись, парень заглянул в глаза монархини и тут же рухнул на одно колено.

– Ваше величество! – сипло воскликнул он.

– Дитя мое. – Королева опустила руку на плечо новому слуге.

– Не сочтите за дерзость, но я бы хотел узнать свое имя...

– Твои светлые волосы не оставили мне выбора, Нарциссус! Носи это имя с гордостью.

Регина плавно взмахнула над головой юноши, отчего лицо его резко изменилось. Робкий и кроткий мальчишка, что еще минуту назад боялся заговорить, уверенно поднялся с колен. Самодовольная улыбка расплзлась по его кукольному лицу.

– Буду рад жить и умереть с вашим именем на устах! – произнес он, закинув назад непослушную прядь волос.

– Живи, покуда можешь, наслаждайся, а о смерти не думай. Я сама решу, когда придет твой час. – Регина указала глашатаю на дверь.

Свою работу владычица выполнила на совесть, и сейчас ей не терпелось остаться в одиночестве. Нарциссус склонил голову и незамедлительно вышел. В королевстве имени Де Люты стало на одного жителя больше.

Глава 4

Ссамого утра на центральной площади яблоку было негде упасть. Люди изнемогали на солнцепеке, устало опираясь друг на друга. Они изредка поглядывали то на старинные башенные часы, то на балкон с трибуной – тот самый балкон, с которого вещает ее Величество Регина Де Люта. До полудня оставалось чуть больше двух часов, но, несмотря на это, стояло настоящее послеобеденное пекло. Жадное до облаков небо раскалилось добела, а гигантский солнечный диск уве-

ренно застыл в зените.

С минуты на минуту ожидалось появление нового вестника – его речь открывала праздничную неделю. Зеваки шептались, что в этом году роль глашатая досталась совсем молодому парнишке – слухи об этом давно облетели весь Лютумвиль. Чего ждать от предстоящей недели – могла сказать лишь Регина. Единственное, что было известно наверняка, – монархиня почтит подданных визитом. С последним словом герольда дворцовая стража разомкнет щиты, и монархиня, словно львица, уверенно двинется к самому краю площадки, откуда поприветствует народ безмолвным кивком.

Эта часть празднества – тоже традиция. Не произнося и слова, королева срывает овации. Словно буйные морские волны, они бьются о каменное возвышение, не стихая до тех пор, пока правительница не подаст знак. Тогда собравшиеся замирают. Они знают, что в следующий миг Регина бросит по ветру белый шелковый платок. Он достанется самому высокому, проворному или везучему лютумвильцу... Тому, кто волей случая сможет попросить монархиню о чем угодно, за исключением бессмертия.

Еще до рассвета к площади стягивались десятки безумцев. Они занимали удобные места близ трибун, желая попытаться счастье. Слепленные стремлением заполучить личную вещь королевы, а вместе с тем исполнить мечту, они много часов проводили в лучах беспощадного солнца. Уставшие и голодные авантюристы беззвучно повторяли тихую, лишь им

известную молитву, едва шевеля потрескавшимися от жары губами и высасывая последние капли влаги из опустевших фляжек.

Так представители «авангарда» занимали несколько первых рядов у балкона. Не всем, однако, удавалось выстоять до конца. Лениво переминаясь с ноги на ногу, лютумвильцы то и дело падали без чувств. На помощь им никто не спешил. Напротив, слабаков дружно и не без удовольствия выталкивали из толпы, избавляясь тем самым от конкурентов в борьбе за ценный трофей.

Удивительным было то, что завладеть вещицей мечтали все от мала до велика! И даже знаменитое «проклятие королевского платка» не страшило безумцев. Число счастливых, в разное время завладевших фетишем, перевалило за сотню. Но далеко не каждому он принес счастье. Странное стечение обстоятельств нередко становилось причиной трагических смертей, порождавших темные легенды и суеверия.

Впрочем, того, кто углублялся в обстоятельства несчастий, ждало разочарование. Никакой чертовщины и темной магии. Владельцы платков просто не справлялись с обрушившейся на них удачей. Без малого каждый просил столько золота, сколько мог унести в мешке, но спина его ломалась совсем не поэтому. Отринувший нужду голем пускался во все тяжкие, растрачивая деньги на алкоголь, однодневные романы и азартные игры. Эта дьявольская воронка удоволь-

ствий засасывала все глубже, не давая и шанса опомниться. Бывший оборванец не замечал, как падает на самое дно... Итог у подобных историй был, как правило, один: на пол дешевой таверны или брусчатку темного переулка проливалась кровь. Счастливец погибал, даже не успев толком истратить внезапно нажитое богатство.

Одна из самых жутких историй приключилась с местным кузнецом. Никто не знал, каким чудом хромой на обе ноги, подслеповатый старик обошел толпу долговязых юнцов. Но именно ему довелось урвать белоснежную ткань с красной вышивкой. Малус провернул то, что оказалось не под силу другим, и оставил ни с чем молодых соперников! Его жена Камелия по-доброму смеялась над несбыточными планами. Она бы и во сне не поверила, что отец ее детей вытянет счастливый билетик... Соседи же не скупилась на колкости. «Этот жеребец свое отскакал!», «он и с кровати без посторонней помощи встать не может!», «шансов у него, как у бедолаги Сорбуса, потерявшего обе руки под колесами экипажа!» – хохотали они за спиной у работяги.

Но все случилось так, как случилось. Когда Малус ступил на порог, пошатываясь от количества выпитого, Камелия с облегчением выдохнула. Страх, что несмолкающим комарином увивался за ней весь день, отступил. Тогда ей подумалось, что на дне стакана муж нашел утешение после вполне предсказуемой неудачи. Как же она ошибалась... Ведь уже через мгновение глава семьи достал из-за пазухи тот са-

мый платок. Он громко икнул и, слегка поморщившись от удовольствия, припал к материи губами. Камелия с ужасом вглядывалась в кипенно-белую ткань. На фоне общей серости, поглотившей дом кузнеца, изящный предмет казался парусом одинокого корабля, заплутавшего в северных водах.

Едва осознав случившееся, Камелия ахнула и попятилась назад, словно предчувствуя беду. Спокойная и покладистая женщина принялась рыдать, в надежде образумить супруга. Уже тогда она знала, что вместе с деньгами в ее дом придут несчастья. Мать семейства упала на колени и взялась целовать чумазую ладонь благоверного. Она заклинала его избавиться от вещи.

– Продай, отдай, подари или закопай в землю! Сделай с ним что угодно, только не оставляй себе! – кричала женщина, глядя на мужа снизу вверх.

В глубине души она ждала, что эти слезы отрезвят Малуса во всех смыслах и он, следуя совету, предаст огню проклятый сувенир. Увы, все случилось с точностью до наоборот.

– Дура! Мне выпала великая честь! Ты должна гордиться мною! Встань сейчас же и приготовь пожрать, – прозвучало в ответ.

Камелия едва не лишилась чувств. Она схватилась за холодный угол железного стола. Подняться стоило невероятных усилий. Ноги подкашивались, словно страшная беда уже приключилось с ее семьей, а в ушах звенело, как после выстрела. Осознав полное бессилие перед волей мужа, мать пя-

терых сыновей утерла слезы рукавом платья и направилась в кухню. Меньше всего ей хотелось быть поколоченной за непослушание.

Женщина наполнила чашу похлебкой и робко взглянула на Малуса, желая распознать в его глазах хоть капельку сочувствия. Мужчина, будто зачарованный, рассматривал чертов платок, на котором атели три заветные буквы: Р. Д. Л. Вблизи они казались искусным узором, но издалека инициалы ее величества представлялись брызгами крови, дурным знаменем.

Следующие несколько дней прошли относительно спокойно. Камелия, как обычно, трудилась по дому и воспитывала детей, а Малус, нехило обобрав казну, праздновал свой триумф. На радостях мужчина забросил дела и теперь не вылезал из таверн, где угощал собравшихся. Словно герой эпосов, удачливый старик купался в лучах славы и восхищения. По крайней мере, сам он свято верил в это, опрокидывая очередную кружку пенного. Все это жутко не нравилось Камелии, но права голоса она не имела. Все, что ей оставалось – подчиняться. В конце концов, пьяный муж – это по-прежнему живой муж, а значит, все наладится, как только в его сердце поулягутся страсти.

Как ни странно, без труда озолотившись, Малус потерял многое. Среди прочего – тепло домашнего очага, рядом с которым в былые времена собиралась большая семья. Нет, мужчину нельзя было назвать романтиком. Каждый, кто его

знал, мог подтвердить: кузнечество – его стезя. Ведь Малус и сам походил на кусок железа: твердый, холодный и тяжелый, в гневе он раскалялся докрасна, поразительно долго и неохотно остывая после. Его невозможно было представить где-либо еще, кроме как за наковальней. Ну, если только за шатающимся столом в прокуренной питейной или в дешевом борделе, что на закате дня открывал свои двери.

Камелия верила, что муж пресытится славой и успокоится. Ведь шальные деньги могут вскружить голову лишь желторотому юнцу, а не тому, чья борода окунулась в серебро... Но даже тут она жестоко ошибалась. Проклятие настигло Малуса внезапно. В один из будних вечеров... За несколько часов до своей гибели мужчина вышел из дома, вместо жены поцеловав истрепанный платок. Он отправился туда, где о его подвиге слышали тысячу раз. Но вернуться обратно ему было уже не суждено.

Изувеченное тело нашли недалеко от любимой таверны Малуса. Пьянчужки, ведомые нуждой, свернули в переулок, чтобы помочиться. Привыкшие к темноте, но все еще хмельные глаза до последнего не различали крупный силуэт прямо у их ног. Поначалу гуляки решили, что это очередной любитель солода упал без сознания, так и не добравшись домой. Товарищи понадеялись узнать мужчину в лицо, но, наклонившись, с ужасом отпрянули. На влажной от дождя и мочи брусчатке лежал обезглавленный труп. Пьяницы подняли страшный шум, на их крики сбежалась вся округа.

Когда свет керосиновой лампы разогнал темноту подворотни и пролился на несчастного, открылась по-настоящему страшная картина. На истерзанной плоти, словно пропущенной через мясорубку, не осталось живого места – сплошные синяки, порезы и ссадины. Голова куда-то исчезла, но искать ее пришлось недолго. Словно поросший мхом валун, она лежала у противоположной стены. Искаженное лицо не давало подсказок. Единственное, что помогло опознать покойника, – тот самый платок, что маленьким серым уголком торчал из разбитых губ.

Рассуждения о последних минутах Малуса приводили в оцепенение даже бывалых хулиганов. Каждый говорил свое, но все сходились в одном – когда смерть пришла за бывшим кузнецом, он спасал платок, а не себя. Его сгубил не кровавый проходной, а одержимость. Почти все собутыльники Малуса находили обстоятельства его смерти весьма символическими. Между собой они кивали: видать, только так и можно было заткнуть неумного болтуна...

Жизнь некогда успешного мастера оборвалась внезапно и с позором. В беспросветном переулке, рядом с кучей собачьего дерьма, он встретил свой конец. Камелия, почуявшая неладное еще с вечера, от кошмарных новостей едва не лишилась рассудка. Точно в бреду, она лепетала что-то о проклятии королевского платка и билась головой о пол. Пятеро ее сыновей вмиг осиротели. Но и на этом несчастья семьи не кончились.

Одной ненастной осенней ночью соседи Камелии услышали душераздирающие крики, но никто из них не поспешил на помощь. Казалось, то был лишь очередной припадок Камелии, коих за неделю случалось с дюжину. Город, по первости ошарашенный бесчеловечным убийством, постепенно забывал о случившемся. Лютумвильцы сопереживали несчастной, но более не могли делить с ней скорбь. Со временем соседи привыкли к тому, что из вдовьего особняка доносятся рыдания. В каком-то смысле та роковая ночь ничем не отличалась от предыдущих... Но именно тогда была поставлена кровавая точка в и без того печальной истории.

Под утро непогода стихла. Ветер перестал гнуть хлипкие деревья, тучи побледнели и расступились, позволив первым лучам солнца пролить немного тепла и света на утопающую в грязной воде землю. Начинался самый обыкновенный день, не предвещавший открытий. С рассветом на улицах Лютумвила одна за другой появлялись «ранние пташки» – те, кому приходилось вставать раньше соседей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.